

Совестит»

идут по ТВ, и диски раскупаются. Почему так? И почему слава других людей 70-х сошла на нет? Рационального объяснения у меня нет. Есть объяснение на уровне эмоций.

— Может, оказался и до сих пор остается прав Юрий Калякин, автор первой посмертной статьи о Высоцком, названной «Я из повиновения вышел» — строчкой из «Охоты на волков»?

— Калякин и двадцать пять лет назад, по горячим следам, был и теперь остается очень во многом прав. То, что человек, выходящий из повиновения, снова актуален, — может быть, один из ответов на вопрос: «Почему поют?».

— Никита, в каких отношениях ваши дети с дедом?

— Когда они совсем повзрослеют, может, сами вам что-то скажут. Моим 19 и 17, у Аркадия старшему сыну Володе 21, это близко к тому возрасту, в котором находились мы с братом, когда отец ушел. И мне кажется, он к нам будет приходить так же, как и к нам шел. Они широко мыслящие люди, знают творчество Высоцкого лучше, чем их сверстники, но совсем не фанатеют. Но, думаю, с годами они им будут все ближе. Они к нему не будут испытывать родственных чувств — они же его не видели. Но они испытывают родственные чувства к нам с Аркадием, и если Высоцкий и не будет им сниться, то, во всяком случае, многое в них сформирует.

— Вы слушаете песни Высоцкого изо дня в день, по долгу службы. Остается желание слушать просто так, для себя?

— Честно скажу, я предпочитаю слушать его песни, как раз оставаясь с ним один на один.

Был такой случай, когда я ехал на машине из Питера в Москву, а перед тем не спал полтора суток, и в ночь мне надо уезжать. Ночь, жуткая погода, зима, слякоть, ветрюган... Какие-то картинки начались —

тот, кто попадал в такие ситуации, может представить. Хочу включить магнитофон — а кассета не втыкается. И тогда я открыл окна с обеих сторон и — при том, что никогда не пою песни отца — начал петь подряд все, что помню. А помню-то я как раз очень много. И он меня довез! Более того, к утру погода вдруг исправилась, и я въехал в Москву как ни в чем не бывало.

— У вас остались от него подарки, достойные места в музее?

— А у вас что-нибудь осталось из того, что вам родители в детстве дарили? То-то и оно... Дарил он нам много. И любил это делать — как, впрочем, не только нам. У Аркадия в его доме в Тарусе лежит магнитофон «Маяк-203», подаренный отцом. А иг-

бы принести нам в очередной раз подарки, сказал: «Поехали в «Детский мир». Вы уже взрослые, выберете себе сами, что захотите». Посадил в свою машину, повез. А машины для него были, как игрушки, я хорошо помню его «Рено», «БМВ», «Мерседес»... Привез и назвал сумму, в которую мы должны были уложиться. Мы ходили-ходили, в результате на чем-то оба остановились, купили — и сдача осталась. У Аркадии трешка, у меня чуть меньше. И я отцу говорю: гони, мол, бабки оставшиеся. «Вы чего?! — взвился он. — Купили и купили, поехали домой». Как-то это переросло в скандал, мы с ним оба завелись, и я, чтобы напряжение снять, говорю: «Да ладно, пап! Деньги — вода». И тут он помрачнел и очень резко ответил: «А

Я ехал из Питера в Москву и, чтобы не заснуть за рулем, стал петь его песни, подряд все, что помню. А помню я очень много. И он меня довез!..

рушек — нет, ни одной не сохранилось. И не помню, куда они делись. Отец нам гениальные игрушки дарил. И я понимаю, почему: у него детство было военное, бедное, коммунальное, и он понимал толк в игрушках. Кстати, бабушка сохранила его игрушки — и они теперь как раз в музее.

Помню, как он мне привозил потрясающих индейцев и ковбоев, у нас тогда только оловянные солдатики продавались, кое-кому из ребят родители из-за границы привозили хороших солдатиков, но таких чумовых индейцев, как у меня, ни у кого не было. Я просто видел, как отец их в магазине, в Париже или в Нью-Йорке, для меня с любовью выбирает...

У меня день рождения летом, а у Аркадия осенью. Поэтому в его день рождения заодно дарили подарки и мне: летом же трудно всех собрать. И вот отец однажды, вместо того что-

ты что, много зарабатываешь? Ты вообще знаешь, что такое деньги? Он умел быстро перестроиться и сообщил, что не сдержался, что влиять нам дальше на эту тему просто глупо, и перевел разговор на другую тему. Но мы разговор запомнили.

Он и деньгам цену знал, и вещам, и любил их, и умел беречь. После него, между прочим, одежду и обувь очень много осталось. А то, что нам дарил, быстро сносилось. Помню, привез он джинсы, которые мне оказались узки. «А ты, — говорит, — ляг в них в ванну — растянуться». Мама сказала: «Володя, ты же видишь, они даже не сходятся на ребенке». — «Сейчас на мне сойдутся!» И он их каким-то образом натянул, лег и начал их застегивать...

В общем, подарков не осталось, память осталась. У меня даже фотографий с ним не сохранилось. Я, как

Владимир Высоцкий на пляже в Пицунде. Июль 1973 г.

Леонид Ильич Брежnev, «дневников на фронте не вел».

— У вашего отца, говорят, архив был в идеальном порядке?

— Говорят (криво усмехается, качает головой). То есть он мог загореться и записать с Шемякиным полное собрание песен. А что касается архива, это было нереально: человек был очень быстрый. То, что есть архив как таковой, — заслуга моей бабушки Нины Максимовны. Бабушка за ним все черновики, особенно в последнее время, подбирала.

— А то, что вы его видели на сцене, стало для вас, как для будущего актера, подарком судьбы?

— Я мечтал стать актером с детства, что называется. И в театры ходить начал рано, в том числе на Таганку. Золотухин вспоминал (сам я не помню), как я, совсем еще маленький, начал истощенно орать на «Пугачеве», где Высоцкого-Хлопушу швыряли на цепях... Лет с двенадцати я стал ходить в театры очень много, целенаправленно. Другое дело — я бы никогда актером не стал, если бы он был жив. Я думал поступать или в нефтехимический, или на геологического-разведочный, или, на худой конец, на журналистику. Шансы были примерно равные, поскольку я серьезно занимался спортом. Спортсменов тогда без конкурса брали в любой институт.

А в Таганку я был влюблен. И в последние годы отца — при том, что он

снялся в «Месте встречи» и в «Маленьких трагедиях», и я часто бывал на его концертах — мне больше всего нравилось то, что он делал в театре. Подарок судьбы? Повезло? Счастье? Жизнь так сложилась. Мои впечатления от «Гамлета» были настолько сильные, что до сих пор я помню этот длинный спектакль наизусть, до мельчайших деталей мизансцен. Однажды я сидел с артистами, игравшими в «Гамлете», среди них зашел спор, как же там в таком-то месте было, я вмешался — и кто-то сказал: «Точно, было, как Никита говорит». Это попало мне в какую-то такую память, которая не стирается.

Как мальчик читающий, я знал, чем «Гамлет» кончается. Но то, как играл там отец, для меня было и остается загадкой. Меня коробит, когда сегодня говорят: «Высоцкий писал великие песни, только никакой он не актер». Его способ существования не был таким реалистичным, как, допустим, у актеров «Современника», но отец вызывал невероятный эффект присутствия. Ничего подобного я не видел. И научить этому невозможно. Знаете, как нам в Школе-студии рассказывали о Хмелееве. Как он выходил на огромную сцену, зауженную массовой, народ играл кто во что горазд, а он стоит в глубине, скрестив руки, и весь зал смотрит на него.

Вот и в отце это было.